

УДК 811.511: 161.1
DOI 10.25205/2312-6337-2018-1-25-34

А. Д. Каксин

*Институт гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии
Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова*

**О специфике средств выражения модальности и эвиденциальности
(на материале хантыйского и русского языков)**

Статья посвящена вопросам языковой модальности, определению семантико-грамматических категорий, их взаимодействию и средствам выражения в агглютинативных языках (на примере хантыйского языка). В последнее время отдельно от “традиционной” категории модальности лингвисты конституируют и исследуют другие категории этого же уровня, и данный подход осуществлен в предлагаемой статье. В ней изложены промежуточные результаты последнего по времени исследования грамматических средств выражения модальности, эвиденциальности и миративности в одном из малоизученных финно-угорских языков (в хантыйском языке). В части средств выражения названных категорий проводится сравнение с данными русского языка.

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, модальность, эвиденциальность, средства выражения, прагматика, дискурс, хантыйский язык, русский язык

В последние десятилетия границы (понятий) языковой модальности и эвиденциальности стали очень широкими и неопределенными, и мы думаем, что в описаниях разных языков необходимо их структурировать, другими словами – разделить модальность и другие семантико-грамматические категории уровня модальности. Специфика и той, и другой категории (а также внутренние различия в группах модальных и эвиденциальных значений) определяется, прежде всего, функциональной нагрузкой определенных видов высказываний, обусловленной, в свою очередь, прагматическими и дискурсивными задачами говорящего. На материале одного из языков финно-угорской семьи (языков, агглютинативных по преимуществу), нами анализируются грамматические средства выражения семантико-грамматических категорий модальности и эвиденциальности. Наиболее репрезентативными модальными значениями признаются ‘реальность’, ‘необходимость’, ‘возможность’, ‘желательность’, а самыми типичными эвиденциальными – ‘очевидность / неочевидность’, ‘неожиданное обнаружение / изумление’, ‘пересказ / цитирование’ [Темпоральность. Модальность, 1990; Плунгян, 2000, с. 321-325].

Проблематика типологического изучения различных языков также нашла отражение в статье. Эта проблематика, как известно, остается в центре внимания современной лингвистики ввиду практической значимости главных положений языковой типологии для задач преподавания того или иного языка на базе родного. Актуальность исследования становится более очевидной, если учесть, что в теоретическом плане вопрос о категориях эвиденциальности и миративности и их соотношении с категорией модальности в языкознании исследован недостаточно. Также не в полной мере выявлен се-

Каксин Андрей Данилович – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф.Катанова.

Контактная информация: пр. Ленина, 92. А/я 14, г. Абакан, 655017, Республика Хакасия, Российская Федерация. E-mail: adkaksin@yandex.ru, тел.: +7-(3902)-22-34-94.

мантический потенциал косвенных наклонений многих языков, недостаточно изучено взаимодействие семантико-грамматических категорий, а также взаимодействие этих категорий с другими категориями подобного уровня в агглютинативных языках. К примеру, в финно-угорских языках вне поля зрения грамматик остается целый ряд морфологизованных глагольных конструкций, аналитических форм и сочетаний, выражающих модальные, эвиденциальные и другие подобные значения.

Современный хантыйский язык – это прежде всего его диалекты; литературный хантыйский язык (в строгом понимании) еще не сложился, но в качестве такового выступает та форма хантыйского языка, основой которой послужил казымский диалект. На этом диалекте пишут журналисты окружной национальной газеты “Ханты ясан” (“Хантыйское слово”). По вопросу о диалектном членении хантыйского языка в нашей работе принимается классификация В. Штейница: констатируются три диалектные группы (северная, южная, восточная), а атлымский и салымский диалекты характеризуются как смежные, или промежуточные [Штейниц, 1937, с. 194–196].

Мы придерживаемся того взгляда, что эвиденциальность – объемная, сложная категория уровня модальности. В лингвистическом энциклопедическом словаре 1990 года модальность названа функционально-семантической категорией, а эвиденциальность отдельно еще не выделена [Ляпон, 1990, с. 303]. Дальнейшая традиция, однако, однозначно разводит (отделяет друг от друга) две названные категории. Поэтому для эвиденциальности мы принимаем тот набор значений, который перечислен в одной из основополагающих работ по данной проблеме [Плунгян, 2000]. Далее, в своей характеристике категорий модальности и эвиденциальности мы опираемся на суждения о них других авторитетных лингвистов, в том числе тех, кто исследовал материал уральских языков и русского языка. Вот небольшой ряд этих работ : [Кошкарева, 1986, 2002, 2004; Черемисина, Ковган 1989; Темпоральность. Модальность, 1990; Козинцева, 1994; Николаева, 1995; Скрибник, 1998; Буркова, 2004, 2008, 2013; Эвиденциальность, 2007; Григоренко, 2009; Ильина, 2013, 2016; Nuys, 2001; Salo, 2001; Csepregi, 2001; Aikhenvald, 2004].

В трудах, посвященных эвиденциальности, авторы уделяют внимание модальности, и основные постулаты сводятся к следующему: в этой сфере целесообразно разграничение объективной и субъективной модальности. В первом случае – выражается отношение действия к действительности, т.е. значения реальности/ ирреальности, заключенные в замкнутой системе абстрактных синтаксических категорий времени и наклонения. А значения, в которых заключено отношение говорящего к содержанию высказывания, являются субъективно-модальными. Все модальные значения выражаются средствами различных уровней языка – интонацией, грамматическими конструкциями, лексикой, словорасположением, тесно взаимодействующими друг с другом.

Итак, мы придерживаемся широкой трактовки обоих понятий; при этом модальность и эвиденциальность рассматриваем как отдельные категории, реализующиеся в разных формах выражения. Для ряда языков можно констатировать наличие форм модальных и эвиденциальных наклонений. Считаем, что модальность и эвиденциальность в хантыйском языке – грамматические категории, поскольку выражаются грамматическими формами наклонения-времени. Другими словами, они полностью соответствуют основным понятиям грамматики, принятым в общем языкознании: грамматическая категория – система противопоставленных друг другу рядов *грамматических форм* с однородными значениями; в свою очередь, грамматическая форма – это языковой знак, в котором *грамматическое значение* находит свое регулярное (стандартное) выражение, а грамматическое значение – обобщенное, отвлеченное языковое значение, присущее ряду слов [Храковский, Володин, 1986, с. 115–117].

Ряд грамматических форм образует парадигму той или иной категории. В понятии *форма*, применяемом при анализе парадигм, может быть усмотрено несколько употреблений. Говорят вообще о форме той или иной категории: “форма наклонения”, “временная форма” и т.п. Другой случай – когда имеется в виду одна определенная форма из числа составляющих парадигму, например форма изъявительного наклонения. В этом случае указывается категориальное значение формы, вытекающее из ее оппозиции другим формам данной грамматической категории. Термин “форма” в нашей работе употребляется в обоих названных смыслах, а также для обозначения синтаксической функции (финитная/ инфинитная форма) и способа выражения грамматического значения (синтетическая/ аналитическая форма).

Основу парадигмы грамматической категории составляют синтетические формы, в которых лексическое значение основы и вносимое переменное грамматическое значение выражаются в одном слове. Но в парадигму могут быть включены и аналитические формы, если они выражают какое-либо грамматическое значение, входящее в содержание категории. Аналитическая форма – сложное слово, в составе которого носителем грамматических значений является вспомогательный элемент, а знаменательная часть либо не изменяется, либо выражает категории согласовательного типа.

К понятиям финитности/ инфинитности исследователи обращаются при описании грамматического строя многих разноструктурных языков: эти понятия составляют содержание категории репрезентации. Употребление данной терминологии позволяет более точно характеризовать функции глагольных форм. Финитными называются все формы “собственно глагола”, глагола в узком смысле этого термина, которые в предложении бывают простыми глагольными сказуемыми. Финитным формам противопоставляются инфинитные, которые в разных языках представлены очень разными – и количественно, и качественно – наборами форм (причастия, деепричастия, герундии, супины, имена действия). В хантыйском языке система инфинитных форм небогата: здесь всего одно деепричастие (с показателем =ман) и два причастия [Черемисина, Ковган, 1989, с. 5–6]. Но инфинитные формы в хантыйском языке способны выступать в функции конечного сказуемого в предложении. Именно это обстоятельство позволяет говорить о наличии в хантыйском языке отдельных форм наклонения неочевидного действия и эвиденциалиса (последние являются также формами перфекта) [Каксин, 2012].

Вернемся к модальности и категориям ее уровня. Модальность, как известно, – категория, выражающая разные виды отношения высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого [Ляпон, 1990, с. 303–304]. Эвиденциальность нужно понимать, как область рамочных значений, представляющих собой указание на источник сведений говорящего относительно сообщаемой им ситуации [Козинцева, 1994, с. 92; Плунгян, 2000, с. 321]. В ряду эвиденциальных выделяется значение миративности (неожиданности): нечто новое еще не является частью картины мира говорящего [Скрибник, 1998, с. 205]. Важно то, что главным средством грамматического оформления модальности, эвиденциальности и миративности является категория глагольного наклонения.

Традиционно “наклонение” по отношению к “времени” считается категорией более высокого порядка: изменение по временам происходит после того, как глагольная форма уже мыслится принадлежащей к определенному наклонению. Материал множества языков (в том числе хантыйского и мансийского) позволяет говорить об определенной схеме взаимоотношений двух названных категорий. Наклонение и время в этих языках можно рассматривать как одну *гиперкатегорию* “наклонения-времени”. Целесообразность такого подхода отстаивается многими лингвистами, особенно теми, кто занимается языками агглютинативного строя. Формально-структурное объяснение этому явлению дает *грамматика порядков*. Сама грамматика порядков в своей завершенности сложилась к середине 70-х годов 20 в., когда была реализована применительно к тюркским языкам. После этого она сама стала служить инструментом анализа некоторых сложных вопросов грамматики, в том числе проблемы сопряженности категорий наклонения и времени. Объяснение этой сопряженности с помощью понятия “порядок” представлено, в частности, в известной работе по типологии императива, в которой сформулировано следующее положение: нет двух порядков отдельно для наклонения и отдельно для времени, а есть один порядок для двух категорий [Храковский, Володин, 1986, с. 64–67].

В хантыйском языке ситуация выглядит именно так. Собственно финитные формы хантыйского глагола (к ним мы относим и аналитические) выражают временные значения (т.е. значения реалиса) или не выражают время (имеют значения ирреалиса). Это формы индикатива, императива и других косвенных наклонений (кроме эвиденциалиса и миратива):

И хой камн вера сыяңа ўвл? [ПМА 1986] ‘Кто там на улице так громко кричит?’; *Упен пила мулхатл хўв пунартсум* [ПМА 1987] ‘С твоей старшей сестрой вчера долго разговаривала’. Семантика этих форм описана достаточно подробно на материале обдорского диалекта хантыйского языка [Николаева, 1995, с. 121–125].

Эвиденциалис в хантыйском языке – аналитические формы перфектного типа (результатив, статальный пассив, статив). Эвиденциальность и перфектность в данном случае выступают как две стороны “одной медали”:

Хута ма наңен хулые каталлум, кат пелкемн иса еңк. Хулыет туманан лап тохарман ‘Где я тебе рыбку поймаю? По обе стороны один лед. Рыбки на замок заперты’; *Кат пелкал карась вонийин, нохар юхн энумман, мулты арат пусл, юхан, лор сята* ‘Оба берега реки заросли высокими соснами, кедрами; дальше бесчисленное количество протоков, речушек, озер’; *Хутты лув шавиман вол, ма ан номлэм* ‘Где-то он похоронен, я не помню’; *Наң муй мулхатл юхтыйлсан? – Юхтыйлсум. Овн туманан пунман вос* ‘Ты вчера приходил? – Приходил. Дверь ваша на замок закрыта была’. Примеры подобного рода также рассматривались ранее [Николаева, 1995, с. 149–153].

Миратив в хантыйском языке – это причастные формы в финитном употреблении; о них уже также в свое время писали [Николаева, 1995, с. 126–132], здесь приведем небольшой ряд примеров:

Щиталн хонтты щурумтас – ма вантмем! [ПМА, 1986] ‘И когда он встретился – я не заме-

тил, оказывается!'; Тәм йдише хўват хоят ши **шдишилмал** [ПМА, 1986] 'По этой тропинке уже кто-то ходил, оказывается'; Тәм кóрт вулэва ёх ши **юхтыйлттэл** [ПМА, 1987] 'На это наше насиженное место кто-то приезжает, оказывается'; *Ортнэнгем лангки сух эвалт ёнтум ай сахилел огород ныр вура тахарлумал* [ХЯ 06.06.98] 'Дочь моей тети в своей беличьей шубке за жердь огорода зацепилась, оказывается'.

Итак, любое из значений субъективной модальности, а также эвиденциальности, можно выразить лексическими средствами того или иного языка. Кроме глаголов и предикативов, в каждом языке имеется достаточное количество модальных и эвиденциальных лексем, относящихся к другим частям речи, но больше всего бывает неизменяемых слов, часто – сложносоставных, именуемых в грамматиках частицами. Модальные и эвиденциальные слова (в том числе – частицы) очень разнообразны по своему значению. Ниже перечисляются основные семантические группы модальных и эвиденциальных частиц хантыйского языка:

1. Частицы, выражающие сомнение и / или определенную уверенность: *werapa* 'вряд ли', *met* 'хоть; хоть так; если так' и др. Примеры: *werapa motorl šūkałas* 'вряд ли мотор сломался', *tāmχātł ja werapa jerta jil* 'сегодня-то вряд ли пойдет дождь'; *met šopañ, muχsañlał wujañat in* 'хорошо хоть, что муксуны жирные нынче', *met χōntti, ma isi juχtijłlum* 'если так, я тоже как-нибудь найду'.

2. Частицы, выражающие неуверенность или недоверие: *χutaś* 'что-то', *pełi* 'ли; вроде', *jina pełi* 'точно ли' и др. Примеры: *tāmχātł χutaś melak* 'сегодня что-то тепло (более тепло, чем ожидалось)', *łıw χutaś tāmχātł keñk* 'он что-то сегодня строгий (что непохоже на него)'; *łıw pełi šāta lol'* 'не он ли там стоит'; *jina pełi šāχa juχatlat* 'точно ли потом придут они'.

3. Частицы, выражающие предположение: *ši āntō* 'вероятно, может быть', *al* 'наверное, может быть' и др. Примеры: *ši āntō, nõrum šōpa šōšumsañan* 'может быть, и через болото пошагали'; *al mānas in utem, ma łıwtti...!* 'наверное, пошел он, мой любезный, (вот) я его...!'

4. Частицы, выражающие убежденность, удивление, восхищение (при поддержке соответствующей интонацией): *ši!* 'ну конечно, несомненно, вот же', *χōn!* 'конечно, конечно не', *āñχōn!* 'конечно', *māna!* 'ты смотри-ка!' и др. Примеры: *ši, in jām šajem jañšemum!* 'ну конечно, чай мой замечательный выпили!', *ši pa miltijłmen nāñ, ši χurasup utem wōłmen...* 'вот же каким ты уродился, мой хороший, ненаглядный'; *łıw šimaś χōn, jām-atum χotł ši tājlatle* 'она не такая, конечно: плохо ли – хорошо ли, дом содержит'; *pa ši luplum, āñχōn, łıw nuχtatata, łıw nemalt ānt tištał!* 'снова говорю: конечно, он и пустится в дорогу, ему все нипочем!'; *māna, muj kem šos wōnta omasmew!* 'смотри-ка, до какого часа сидели!'

5. Частицы, выражающие пожелание или безразличное отношение к выбору: *keši* 'ради' (совпадает с послелогом, обычно употребляется форма 1 л.), *at lōły* 'хоть бы', *lōły* 'бы; что бы не' и др. Примеры: *ma keši isa at ul* 'по мне, все время пусть спит', *ma kešama at pa juχatł* 'по мне, пусть и не приходит'; *at lōły mānl* 'хоть бы ушел', *at lōły wujumla* 'хоть бы уснул'; *łıw lōły χōχat'l'al* 'что бы ему не сбежать', *nāñ lōły wantlen* 'тебе бы посмотреть его'.

6. Частицы, выражающие допущение, позволение: *at* 'пускай, пусть', *at kāj* 'да пусть' и др. Примеры: *at omast* 'пускай сидит', *at ul* 'пусть спит', *at añšemł* 'пусть обзывается'; *at kāj jertłajum, isimurt tāmχātł pōsantijłti* 'да пусть меня дождем намочит, все равно сегодня стирать придется'.

7. Частицы, выражающие побуждение к действию: *sār* '-ка', *ja* 'же' и др. Эти частицы употребляются, как правило, после императивных форм и обычно вносят оттенок нетерпеливого, усиленного побуждения: *omsa sār* 'сядь-ка', *wıje sār* 'возьми-ка его', *māna ja* 'иди же', *katle ja* 'держи же его';

8. Частицы, выражающие удивление (при неожиданном обнаружении чего-либо), субъективную передачу чужой речи (также с оттенком удивления, изумления): *neš* 'оказывается', *māl* 'же, ведь' и др. Примеры: *nāñ neš* 'ты, оказывается', *jıñki neš* 'влажный, оказывается', *āñ χotlan neš* 'не умеешь, оказывается', *mōšitten neš* 'болеешь, оказывается'; *łıw māl šiwelt ši šōšilas!* 'он ведь в ту сторону и ходил!'

Модальные и эвиденциальные значения часто выражаются с помощью устойчивых конструкций, идиом; это явление можно видеть в загадках, пословицах, поговорках. Вот несколько хантыйских загадок, в которых встретились модальные существительные:

Si wer ki, ši pıl ki āntōm wōs, mıw sot mir, mir šuras mir wōłti šireł āntōm wōs (pānt pos jıχat) 'Не было бы его, не было бы их, то не могли бы люди жить (вехи)' = 'Не было бы его, не было бы их, то людям бы не было **возможности** жить (вехи)'.

Aren kiñši ar suχumn lāp talum. Tōp ši suχmat poχla pōχalti šir āntōm (ñimsar imi pilt) 'Дерево обвито множеством нитей. Только эти нити нельзя намотать в клубок (паутина)' = 'Только эти нити нет **возможности** намотать в клубок (паутина)'.

Pa m̄w ɛlti t̄wum ut uχał uš pa k̄rał uš äntõm (pušaχ) ‘Из далеких стран в привезенном предмете не узнать ни головы, ни ног (яйцо)’ = ‘Из далеких стран привезенное нечто – нет **возможности** узнать, где у него голова, нет **возможности** узнать, где у него ноги (яйцо)’.

Приведем примеры использования в подобных случаях слова *õš* – ум, толк. Чаще всего оно употребляется в лично-притяжательном оформлении, а в предложениях с отрицанием часто служит для характеристики нерасторопного, несообразительного, недалекого человека: ‘он то ли на небо залез, то ли в землю зарылся – нет **возможности** определить’. И хотя здесь лично-притяжательный суффикс, как и в предыдущем случае, указывает на спрятавшегося героя, *не у него* что-то “не в порядке” с головой (или с разумом): это другие участники ситуации не могут правильно определиться (потому что *нет такой возможности*).

Для обозначения глупого человека в хантыйском языке есть другие слова и выражения, и в следующем нашем примере такое выражение встречается. В этом примере есть и слово *õš* ‘ум, толк’. Правда, на этот раз оно относится не к отрицанию, а к служебному глаголу *t̄j-* ‘иметь’, но общий смысл фразы все равно получается “отрицательный” (за счет общего контекста и интонации):

Kaj ñuxm̄as: šì õšcam-χurpi õt m̄j iñs̄asti õš t̄j!? ‘Кай произнес: этого глупого что **толку** спрашивать? (т.е. его без толку спрашивать)’.

Слово *uj* ‘удача, счастье, талант’ также способно участвовать в создании предложений с модальным значением, со значением *внутренней возможности* (узуальной и актуальной):

Met šopañ k̄rañ woj rawatti wera uj t̄jjs ‘Честно говоря, он был чрезвычайно удачлив в добывании лося’ (букв.: лося добывать большую **удачу** имел);

N̄ñ ujenan, mosañ, m̄tta χ̄l welluman ‘Благодаря твоей удачливости, может, какую-нибудь рыбу поймает’.

Значение субъективной *уверенности* вносится не столько модальным словом *mosañ* ‘может быть, может’ (оно как раз вносит оттенок сомнения), сколько упоминанием об удачливости на рыбалке собеседника. При опущении вводного *mosañ* ‘может быть, может’ значение *уверенности* сохраняется, даже и при введении других модальных компонентов предложения, например, частицы *lõñ* ‘бы’:

N̄ñ ujenan m̄tta χ̄l welluman lõñ ‘Благодаря твоей удачливости какую-нибудь рыбу поймает’.

В лингвистике обычно выделяют две группы модальных слов второго типа: 1) модальные слова с утвердительным значением, обозначающие уверенность говорящего в реальности сообщаемого и выражающие реальную модальность; 2) модальные слова с предположительным значением, которые обозначают гипотетическую (предположительную) модальность, т.е. не только предположение, но и неуверенность, вероятность, сомнение.

Например, в современном финском языке к модальным словам, выражающим проблематическую достоверность, относятся: *ehkä* ‘пожалуй, может быть, возможно’, *mahdollisesti* ‘возможно’, *voi olla* ‘возможно’, *varmasti* ‘навверное’, *varmaankin* ‘навверное’, *todennäköisesti* ‘вероятно, очевидно’, *luultavasti* ‘вероятно’, *ilmeisesti* ‘очевидно’, *nähtävästi* ‘очевидно’, *näyttää siltä, että...* ‘кажется, что...’ и некоторые другие.

А в современном марийском языке к разряду гипотетических модальных слов, относятся следующие (некоторые из них являются заимствованиями из русского языка): *очыни* ‘возможно, может быть, видимо, навверное’, *пожале* ‘пожалуй, навверное’, *витне* ‘видимо, вероятно’, *можыч, можыт* ‘может, может быть’, *коеш* ‘кажется, видно, видимо, похоже’, *навверне* ‘навверное’, *векат* ‘видимо, очевидно’.

Употребляя данные и другие слова, говорящий лишь предполагает, что сообщаемое возможно, однако он не уверен в реальности осуществления сообщаемого.

Если учитывать синтаксические особенности гипотетических модальных слов, в структуре предложения они синтаксически не связаны с остальными словами. Можно также отметить, что указанные лексические единицы не примыкают к другим словам и не управляют ими, а также не являются членами предложения. С высказыванием, модальность которого они определяют, связаны лишь интонационно. В хантыйском языке подобные единицы также выступают в функции вводных слов: *mos-* ‘быть возможным’, *mosañ* ‘может быть’, *r̄χl̄* ‘можно’, *ãn r̄χl̄* ‘нельзя’, *kaš* ‘желание’, *k̄šnarañl̄* ‘надо же как’, *alpa* ‘вероятно’ и др.

В хантыйском языке также есть небольшая группа модальных слов, к которым относятся неизменяемые (и частично также заимствованные из русского языка) слова: *wek* ‘видимо, очевидно’, *witna* ‘видно, видать’, *wiš* ‘уж’ и др.

В начале и конце предложения модальные слова выражают предположение для всего высказывания. Модальные слова в середине предложения обычно подчеркивают модальность следующей за ними части высказывания, хотя могут относиться и ко всему предложению. Таким образом, модаль-

ные слова, выражающие проблематическую достоверность в языке, обозначают различные оттенки отношения высказываемой мысли к действительности как возможной, вероятной, предполагаемой, *wit'śa-* 'намереваться', *tuwrem* 'сорванец', *χom* 'нехороший (ругат.)'. Способность подобных слов вызывать стилистическое впечатление объясняется следующим: в сознании носителей хантыйского языка они запечатлелись в определенных контекстах (употребляются в одних и тех же ситуациях), вобрав в себя из этих контекстов содержащиеся в них сведения о тех или иных экстралингвистических обстоятельствах, не связанных с признаками самого обозначаемого словом предмета (в широком смысле слова), и вследствие этого оказались способными и сами вносить в речь соответствующие сведения. Известно, что субъективная модальность проявляется в большом числе частных значений. Это различные оценочные значения, характеристика высказывания с точки зрения его достоверности или недостоверности, выражение степени уверенности говорящего в своих словах и т.п. В статье рассматривается отношение категории эвиденциальности/ миративности к категории модальности, обозначается функционально-семантический пункт расхождения двух категорий (на примере хантыйского и русского языков). Отталкиваясь от вышеизложенной версии об автономности поля эвиденциальности (и миративности), мы идем дальше по линии разграничения, и в результате приходим к выводу о функционально-семантическом слиянии эвиденциальности и миративности и их совместном, уже в рамках единой категории, противостоянии общей модальности как ее своеобразного антипода, или "обратной стороны": значения общей модальности репрезентируют "точку зрения говорящего", а значения эвиденциальности и миративности есть "интерпретируемый говорящим *чужой* взгляд на ситуацию". При этом *чужим* часто бывает и собственный взгляд говорящего, а также *общее мнение*: [Плунгян, 2000, с. 325]. Таким образом, смысловые сферы модальности и эвиденциальности / миративности пересекаются (или соотносятся) по большинству выражаемых ими частных, конкретных значений. С формальной точки зрения это выражается в том, что глагольные формы наклонений в обоих случаях – одни и те же (редкие исключения, вроде *эвиденциалиса* в хантыйском языке, не сильно меняют это общее положение). Но есть языки (например, тюркские), в которых небольшой ряд глагольных форм (и форм сказуемого) специализирован для выражения эвиденциальности/ миративности.

В русистике не принято вычленять эвиденциальность и миративность из общей модальной сферы: [Темпоральность. Модальность, 1990, с. 59–61; Япон, 1990, с. 303]. Большинство исследователей, видимо, полагают, что средства выражения эвиденциальности и миративности русского языка лежат на поверхности, почти все они лексические и интонационные. К тому же, русский язык в большинстве случаев является метаязыком; на русский язык обычно переводятся примеры из других языков. Анализируя эти переводы, мы приходим к выводу, что и в русском языке искомые значения в высшей степени маркированы. Только при поверхностном взгляде обнаруживается, что самым употребительным словом русского языка в подобных контекстах является лексема "оказывается". В русском языке обнаруживается много других средств выражения эвиденциальности и миративности, и некоторые из них, например, глагольные формы и частицы типа *мол*, *якобы*, *дескать* уже достаточно подробно описаны [см., напр., Григоренко, 2009]. Но не все еще эвиденциально-миративные средства рассматриваемых нами языков подверглись специальному изучению. Отдельно можно рассматривать, например, эффект иронического отстранения. К примеру, в ситуации, когда начальник журит подчиненных, отсутствовавших на собрании: *Ну надо же! Им не хватило стульев!*

Русский язык, безусловно, насыщен разнообразными, в том числе очень выразительными, средствами для передачи эвиденциальных и миративных значений. В то же время проблемой является выявление категории эвиденциальности-миративности в русском языке. Анализируя текст, часто бывает трудно отделить эвиденциальный (или миративный) контекст (фрагмент) от основного, модального.

В русском языке существует множество способов выражения в тексте значения *пересказа* (введения в текст чужого мнения, создания формул отсылки). Поскольку эти формулы очень устойчивы (и потому часто усекаются или сокращаются), часто им предшествуют своего рода *протезы* (унифицированные конструкции с глаголами речи): (1) *Не зря говорят: с кем поведешься...* (2) Я только для себя. Хотя некоторые *говорят, что зарываю талант в землю*. (Здесь и далее: примеры из повести современного прозаика С. Луцкого "Варианты Надежды Вилоровны").

Для русского языка, как никакого другого, особенно характерно, что формулами отсылки могут выступать пословицы и поговорки русского народа. Очень часто они вводятся в текст без всякой дополнительной протезы: (3) Не я, Надин, не я. Суровые законы бытия. ***С волками жить, по-волчьи выть.***

Говорящий может спорить с чужим мнением, с другим взглядом на положение дел, и тогда противоположная точка зрения органично встраивается в собственный текст: (4) Нет, друзья, дело не в

строе, а в менталитете, доложу я вам! *Страна господ, страна рабов.* (5) В поле вольное, на зелену траву потянуло. А есть ли поле? А есть ли зелена трава?.. Мираж один, *фата-моргана.* (6) Гуд бай, любимый! Больше не звони, *не искушай меня без нужды!*.. (7) Да и скучный он какой-то, вялый, будто полудохлая рыба. На таких людей у Надежды аллергия. *Типичное не то, как сказала бы Лиля.* (8) Сдержанно кивает, идите, *мол, такое дело.* (9) Отец полусхотливо отвечал, *зри, дескать, в корень, еще Козьма Прутков учил.*

Таким образом, категория эвиденциальности (а это не только пересказ, но также выражение неочевидности действия, и итога логического умозаключения, и неожиданности восприятия) чрезвычайно развита именно в русском языке. Но в русском языке эта категория выражается преимущественно лексическими и интонационными средствами, что чрезвычайно затрудняет ее выделение. Последнее утверждение относится ко всем типам текстов, кроме, пожалуй, записей разговорной речи.

Способы передачи чужой речи еще не вся эвиденциальность, это одно из значений эвиденциальной сферы. Последовательно разграничивая модальность и эвиденциальность, можно видеть, что последняя имеет достаточно много специфических способов выражения, да и объем ее в тексте довольно значительный. Если рассматривать комплекс средств выражения эвиденциальных и митаривных значений, нужно признать, что в русском языке названные значения передаются, прежде всего, лексически и интонационно. В любом языке модальные и вводно-модальные слова (и сочетания), а также примыкающие к ним экспрессивы, слова и обороты со значением эмоционально-качественной оценки, играют значительную роль. Но только в последние два десятилетия была осознана необходимость составления толковых словарей функциональных слов (частиц, союзов, междометий и т.п.). Поскольку в последнее время общепринятым является отграничение эвиденциальности и митаривности от модальности, мы считаем необходимым добавить к списку подобных функтивов также (вводно-)эвиденциальные и (вводно-)митаривные слова и сочетания. Другими словами, мы предлагаем иллюстрировать эвиденциальность (или митаривность) в специальном словаре (эвиденциально-митаривной лексики).

Далее, развивая тезис В. А. Плунгяна о существовании «эвиденциального пояса Старого света» [Плунгян, 2000, с. 323], мы хотим дать небольшой комментарий относительно типологии языков этого пояса по наличию грамматических форм и конструкций, специализированных на выражении эвиденциальных и митаривных значений. Отдельную большую группу составляют языки, в которых эвиденциальность и митаривность выражаются преимущественно лексически и интонационно. Ярким примером здесь является русский язык. В русском языке эвиденциальность не находит грамматического выражения и передается, если необходимо, в основном лексическими и интонационными средствами [Плунгян, 2000, с. 321].

К этой же группе примыкают языки, имеющие специфику в части грамматических средств выражения модальности и эвиденциальности: эту функцию выполняют аналитические формы и конструкции с участием служебных/ вспомогательных глаголов. Тюркологи часто не упоминают об эвиденциальности (и митаривности), но при этом досконально «разбирают» искомые формы и их коннотации (речевые реализации). Такая же конфигурация (относительно выражения модальности и эвиденциальности в указанных языках) вырисовывается и в случае подхода к анализу с позиций когнитивистики, прагматики и теории дискурса [Храковский, Володин 1986; Шамина, 1987, 1999; Черемисина, 1992; Сусов, 2006; Козловский, 2013; Голованева, 2015; Уртегешев, 2015; Чертыкова, 2017].

Другую группу составляют языки, в которых эвиденциальность (какое-либо яркое значение этого ряда) выражается специальными грамматическими формами. В связи с этим наряду с категорией модальности в них можно выделить грамматическую категорию эвиденциальности. Хантыйский язык (и ряд других уральских) относятся к языкам, в которых есть морфологические формы (и парадигмы), имеющие статус наклонений. При этом наклонение может и не иметь собственного показателя: маркерами эпистемологического наклонения служат показатели темпоральности.

Список сокращений и условных обозначений

атл. – атлымский (среднеобский) диалект хантыйского языка

в-каз. – верхнеказымский говор казымского диалекта хантыйского языка

каз. – казымский диалект хантыйского языка

ПМА – Полевые материалы автора (записи на казымском диалекте 1985-2001 гг.)

у-каз. – усть-казымский говор казымского диалекта хантыйского языка

ХЯ – “Хӱнты ясаң” (газета на хантыйском языке; издается в Ханты-Мансийске)

Список литературы

- Буркова С. И. Эвиденциальность и эпистемическая модальность в ненецком языке // Исследования по теории грамматики: Ирреалис и Ирреальность. М.: Гнозис, 2004. С. 353–374.
- Буркова С. И. Аналитические глагольные формы сказуемого с модальным значением в текстах на лесном диалекте ненецкого языка // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2008. Вып. 6 (58). С. 104–138.
- Буркова С. И. К вопросу о «вопросительной» форме -*сӕ* в ненецком языке // Лингвистический беспредел – 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 48–68.
- Голованева Т. А. Языковые приемы, усиливающие эффект документальности письменного нарратива (на материале очерка Е. И. Дедык «Лыжный переход») // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. Вып. 29. С. 41–44.
- Григоренко М. Ю. Языковой, коммуникативный и прагматический статус эвиденциально-предположительных частиц *МОЛ*, *ДЕСКАТЬ*, *ЯКОБЫ*, *ДЕ* // Мова. Науково-теоретичний часопис з мовознавства. 2009. №14. С. 52–56.
- Ильина Л. А. Идентичность генетической структуры глагольной категории засвидетельствованности в самодийских и юкагирских языках // Лингвистический беспредел – 2. Сборник научных трудов к юбилею А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во Московского университета, 2013. С. 32–47.
- Ильина Л. А. К проблеме социокультурной детерминации эвиденциальных граммем и оппозиций в языках Северной Азии // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2016. Вып. 30. С. 20–29.
- Каксин А. Д. Инфинитные формы глагола как средство выражения категории “эвиденциальность” (на примере хантыйского языка) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Лингвистика. Вып. 14. 2012. №2. С. 85–89.
- Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92–104.
- Козловский Д. В. Дискурсивное пространство категории «эвиденциальность» в лингвосинергетическом аспекте: автореф дис ... канд филол наук: 10.02.19. Уфа, 2013.
- Кошкарева Н. Б. Модальное сказуемое в хантыйском языке (на материале казымского диалекта) // Компоненты предложения (на материале языков разных систем). Новосибирск, 1986. С. 33–38.
- Кошкарева Н. Б. Коммуникативная парадигма хантыйского предложения // Языки коренных народов Сибири. Сб. научных трудов. Вып. 12. Новосибирск, 2002. С. 29–44.
- Кошкарева Н. Б. Способы выражения модус-диктумных отношений в уральских языках Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2004. Т.3. Вып.1. С. 49–63.
- Ляпон М. В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. редактор В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 303–304.
- Николаева И. А. Обдорский диалект хантыйского языка. М. Гамбург, 1995.
- Плунгян В. А. Общая морфология: Введение в проблематику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2000.
- Скрибник Е. К. К вопросу о неочевидном наклонении в мансийском языке (структура и семантика) // Языки коренных народов Сибири. Сб. научных трудов. Вып. 4. Новосибирск, 1998. С. 197–215.
- Сусов А. А. Многоуровневый анализ риторической структуры // Тверской лингвистический меридиан. Вып. 6. Тверь, 2006. С. 23–54.
- Темпоральность. Модальность / В серии: Теория функциональной грамматики / Отв. редактор А. В. Бондарко. Л.: Наука, 1990.
- Уртегешев Н. С. Внутриязыковые фонетические процессы, влияющие на усложнение языка // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2015. Вып. 29. С. 81–88.
- Храковский В. С., Володин А. П. Семантика и типология императива. Русский императив. Л.: Наука, 1986.
- Черемисина М. И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992.
- Черемисина М. И., Ковган Е. В. Хантыйский глагол: Методические указания к курсу “Общее языкознание”. Новосибирск, 1989.
- Чертыхова М. Д. Восторг и восхищение по-хакасски (семантико-когнитивный анализ глагола морсын ‘восторгаться, восхищаться’) // Филология и человек. 2017. №3. С. 171–178.
- Шамина Л. А. Временные полипредикативные конструкции тувинского языка. Новосибирск: Нау-

ка, 1987.

Шамина Л. А. Структурно-функциональные типы сложного предложения в тувинском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 1999. №4. С. 74–78.

Штейниц В. К. Хантыйский (остяцкий) язык // Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.; Л.: Учпедгиз, 1937. С. 193–227.

Эвиденциальность в языках Европы и Азии. Сборник статей памяти Наталии Андреевны Козинцевой / Ин-т лингвистических исследований РАН; отв. ред. В. С. Храковский. СПб., 2007.

Aikhenvald A. Y. Evidentiality. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty. *Linguistica Uralica*. L. 2014. №3. P. 199–211.

Nuys J. Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions // *Journal of Pragmatics*. 2001. Vol. 33. №3. P. 383–400.

Salo M. Modal auxiliary verbs in Khanty dialects // *Congressus Nonus International Fenno-Ugristarum*. 7-13.08.2000. Tartu. Pars VI. Tartu, 2001. P. 138–143.

A. D. Kaksin

*Institute of Humanities and Sayan-Altai Turkology of Katanov Khakass State University, Abakan,
The Republic of Khakassia, Russian Federation;
adkaksin@yandex.ru*

About specifics of means of expression of a modality and evidentiality (on material of the Khanty and Russian languages)

Article is devoted to questions of a language modality, determination of semantic-grammatical categories, their interaction and means of expression in agglutinative languages (on the example of the Khanty language). Recently, separately from “traditional” category of a modality, linguists constitute and investigate other categories of the same level, and this approach is carried out in the offered article. In it intermediate results of the last on time of a research of grammatical means of expression of a modality, evidentiality and mirative in one of poorly studied Finno-Ugric languages are stated (in the Khanty language). Regarding means of expression of the called categories comparison with data of Russian is carried out.

Keywords: functional and semantic category, modality, evidentiality, means of expression, pragmatist, discourse, Khanty language, Russian.

References

Aikhenvald A.Y. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press, 2004.

Burkova S.I. *Analiticheskie glagol'nye formy skazuemogo s modal'nym znacheniem v tekstah na lesnom dialekte neneckogo yazyka* [Analytical verbal forms of a predicate with modal value in texts on a forest dialect of the Nenets language]. In: *Nauchnyj vestnik Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga*. 2008, iss. 6 (58), pp. 104–138.

Burkova S.I. *Ehvidencial'nost' i ehpiistemicheskaya modal'nost' v neneckom yazyke* [Evidentiality and epistemic modality in the Nenets language]. In: *Issledovaniya po teorii grammatiki: Irrealis i Irreal'nost'*. Moscow: Gnozis, 2004, pp. 353–374.

Burkova S.I. *K voprosu o «voprositel'noj» forme -să v neneckom yazyke* [To a question of a “interrogative” form -să in the Nenets language] // *Lingvisticheskij bespredel – 2. Sbornik nauchnyh trudov k yubileyu A. I. Kuznecovoj*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013, pp. 48–68.

Cheremisina M.I. *Yazyki korenykh narodov Sibiri* [Languages of indigenous people of Siberia]: Uchebnoe posobie / Novosibirskij gosudarstvennyj universitet. Novosibirsk, 1992.

Cheremisina M.I., Kovgan E.V. *Hantyjskij glagol* [Khanty verb]: Metodicheskie ukazaniya k kursu “Obshchee yazykoznanie”. Novosibirsk, 1989.

Chertykova M.D. *Vostorg i voskhishchenie po-hakasski (semantiko-kognitivnyj analiz glagola morsyn 'vostorgat'sya, voskhishchat'sya')* [Delight and admiration in Khakass (the semantiko-cognitive analysis of a verb морсын- ‘to admire, admire’)]. In: *Filologiya i chelovek*. 2017, no 3, pp. 171–178.

Csepregi M. *Evidentiality in Dialects of Khanty. Linguistica Uralica*. Leningrad, 2014, no 3, pp. 199–211.

Ehvidencial'nost' v yazykah Evropy i Azii [Evidentiality in languages of Europe and Asia]. *Sbornik statej pamyati Natalii Andreevny Kozincevoj / In-t lingvisticheskikh issledovanij RAN; отв. ред. V. S. Hrakovskij*. SPb., 2007.

Golovaneva T.A. *Yazykovye priemy, usilivayushchie ehffekt dokumental'nosti pis'mennogo narrativa (na materiale ocherka E.I. Dedyk «Lyzhnyj perekhod»)* [The language receptions enhancing effect of documentation of a written narrative (on sketch material E.I. Dedyk “Ski transition”)]. In: *Yazyki i folklor korenykh narodov Sibiri*. 2015, iss. 29, pp. 41–44.

Grigorenko M.Yu. *Yazykovoj, kommunikativnyj i pragmaticheskij status ehvidencial'no-predpolozhitel'nyh chastic MOL, DESKAT', YAKOBY, DE* [Language, communicative and pragmatical status of evidence-presumable particles LIKE, SAY, ALLEGEDLY]. In: *Mova. Naukovo-teoretichnij chasopis z movoznavstva*. 2009, no 14, pp. 52–56.

Hrakovskij V.S., Volodin A.P. *Semantika i tipologiya imperativa. Russkij imperativ* [Semantics and typology of an imperative. Russian imperative]. Leningrad: Nauka, 1986.

Il'ina L.A. *Identichnost' geneticheskoy struktury glagol'noj kategorii zasvidetel'stvovannosti v samodijskih i yukagirskih yazykah* [Identity of genetic structure of verbal category of a zasvidetel'stvovannost in the Samoyed and Yukaghir languages] // *Lingvisticheskij bespredel – 2. Sbornik nauchnyh trudov k yubileyu A.I. Kuznecovoj*. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 2013, pp. 32–47.

Il'ina L.A. *K probleme sociokul'turnoj determinacii ehvidencial'nyh grammem i oppozicij v yazykah Severnoj Azii* [To a problem of sociocultural determination evidentiality grammy and oppositions in languages of Northern Asia]. In: *Yazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri*. 2016, iss. 30, pp. 20–29.

Kaksin A.D. *Infinitnye formy glagola kak sredstvo vyrazheniya kategorii "ehvidencial'nost'" (na primere hantyjskogo yazyka)* [Infinite forms of a verb as means of expression of category "evidentiality" (on the example of the Khanty language)]. In: *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Lingvistika*, 2012, iss. 14, no 2, pp. 85–89.

Koshkareva N.B. *Kommunikativnaya paradigma hantyjskogo predlozheniya* [Communicative paradigm of the Khanty proposition]. In: *Yazyki korennyh narodov Sibiri. Sb. nauchnyh trudov*. Novosibirsk, 2002, iss. 12, pp. 29–44.

Koshkareva N.B. *Modal'noe skazuemoe v hantyjskom yazyke (na materiale kazymskogo dialekta)* [Modal predicate in the Khanty language (on material of a kazymsky dialect)]. In: *Komponenty predlozheniya (na materiale yazykov raznyh sistem)*. Novosibirsk, 1986, pp. 33–38.

Koshkareva N.B. *Sposoby vyrazheniya modus-diktumnyh otnoshenij v ural'skih yazykah Sibiri* [Ways of expression a mode-diktumnykh of the relations in the Ural languages of Siberia]. In: *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2004, vol. 3, iss.1, pp. 49–63.

Kozinceva N.A. *Kategoriya ehvidencial'nosti (problemy tipologicheskogo analiza)* [Category of an evidentiality (problem of the typological analysis)]. In: *Voprosy yazykoznaniya*. 1994, no 3, pp. 92–104.

Kozlovskij D.V. *Diskursivnoe prostranstvo kategorii «ehvidencial'nost'» v lingvosinergeticheskom aspekte* [Diskursivny space of category "evidentiality" in lingua synergetic aspect]: avtoref dis ... kand filol nauk: 10.02.19. Ufa, 2013.

Lyapon M.V. *Modal'nost'* [Modality]. In: *Lingvisticheskij ehnciklopedicheskij slovar' / Gl. redaktor V. N. Yarceva*. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya, 1990, pp. 303–304.

Nikolaeva I.A. *Obdorskij dialekt hantyjskogo yazyka* [Obdorsky dialect of the Khanty language]. Moscow – Gamburg, 1995.

Nuyts J. *Subjectivity as an evidential dimension in epistemic modal expressions*. In: *Journal of Pragmatics*. 2001, vol. 33, no 3, pp. 383–400.

Plungyan V.A. *Obshchaya morfologiya: Vvedenie v problematiku* [General morphology: Introduction to a perspective]: Uchebnoe posobie. Moscow: Ehditorial URSS, 2000.

Salo M. *Modal auxiliary verbs in Khanty dialects*. In: *Congressus Nonus International Fenno-Ugristarum*. 7-13.08.2000. Tartu. Pars VI. Tartu, 2001, pp. 138–143.

Shamina L.A. *Strukturno-funktional'nye tipy slozhnogo predlozheniya v tuvinskom yazyke* [Structurally functional types of a compound sentence in the Tuva language]. In: *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 1999, no 4, pp. 74–78.

Shamina L.A. *Vremennye polipredikativnye konstrukcii tuvinskogo yazyka* [Temporary poly-predicative designs of the Tuva language]. Novosibirsk: Nauka, 1987.

Shtejnic V.K. *Hantyjskij (ostyackij) yazyk* [Khanty (ostyak) language]. In: *Yazyki i pis'mennost' narodov Severa*. Moscow – Leningrad: Uchpedgiz, 1937, part. I, pp. 193–227.

Skribnik E.K. *K voprosu o neochevidnom naklonenii v mansijskom yazyke (struktura i semantika)* [To a question of an unevident inclination in the Mansi language (structure and semantics)]. In: *Yazyki korennyh narodov Sibiri. Sb. nauchnyh trudov*. Novosibirsk, 1998, iss. 4, pp. 197–215.

Susov A.A. *Mnogourovnevnyj analiz ritoricheskoy struktury* [Multilevel analysis of rhetorical structure]. In: *Tverskoj lingvisticheskij meridian. Tver'*, 2006, iss. 6, pp. 23–54.

Temporal'nost'. Modal'nost' [Temporality. Modality] / V serii: *Teoriya funkcional'noj grammatiki / Otv. redaktor A. V. Bondarko*. Leningrad: Nauka, 1990.

Urtegeshev N.S. *Vnutriyazykovye foneticheskie processy, vliyayushchie na uslozhenie yazyka* [The intra-linguistic phonetic processes influencing complication of language]. In: *Yazyki i fol'klor korennyh narodov Sibiri*. 2015, iss. 29, pp. 81–88.